

Станислав Хабаров

*Вторая территория
(ОКБ-1 С.П. Королёва)*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

16+

Станислав Хабаров
Вторая территория

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хабаров С.

Вторая территория / С. Хабаров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Рассказы об инженерах пионерского периода космонавтики. Вторая территория Особого конструкторского бюро С.П. Королёва. Победа, беды и мысли взглядом изнутри. Содержит нецензурную брань.

Станислав Хабаров

Вторая территория

Вторая территория.

Территория эта в Особом конструкторском бюро С.П. Королёва именовалась второй, потому что была ещё первая, изначально основная.

Природа в этом месте – удивительная. Сосны как на подбор. Они ещё лишний раз свидетельством того, что не важно, что стало предметом реформаторства. Дело в другом. Здешний помещик с чего-то возжелал облагородить лес и стал отбирать деревья. Теперь его «корабельная роща» пленяла красотой и в ней поспешили разместить кардиологический санаторий. По соседству современный оружейник перестроил убогое производство в современную кузницу «бога войны». И, наконец, обе территории выдали путёвку сначала первому спутнику и следом первому человеку, взглянувшему на планету со стороны.

Мы из НИИ-1.

Когда Аркадий устроил мне разговор, я ещё не знал, чем занимается фирма в целом. Говорили лишь о касающемся меня вопросе, но и то показалось мне интересным и ещё понравилась ребятня. С прежней работы меня не отпускали и шеф – заведующий кафедрой похвалил мою экспериментальную работу, сказав «в ней есть зерно».

– Куда вы бежите? – спросил он, назвав меня впервые по имени- отчеству. – У вас чистая кандидатская диссертация.

Он не настаивал, не давил, советовал.

– Съездите, поговорите ещё раз. Ведь там – не наука, а зарывать свои способности – преступление.

Было приятно слышать это, и всё-таки я поехал в Лихоборы ещё раз, чтобы договориться окончательно.

Раушенбаха я впервые увидел в отделе кадров. Вошёл человек в плаще и шляпе, имея франтоватый вид. Он снял шляпу, но франтоватый вид остался. У него были серые внимательные глаза. Они коротко переговорили с кадровичкой о каких-то известных им делах.

– Ваш начальник, – сказала она, когда дверь за вошедшим захлопнулась. – Борис Викторович. Чудесный человек. Да, у вас все – чудесные. Совсем юные кандидаты наук.

Я вышел длинным коридором мимо вертушки проходной на улицу. Долго ожидал автобуса у столба с автобусной табличкой, раздумывая. А уже несколько дней спустя уже работал здесь, в комнате 28.

В комнате было три Галки – техники и Ворон – инженер, а ещё Сева, исписывающий матрицами ватманские листы. Кроме того, под картой сидел будущий зам начальника отдела Леваков и негромко пел «Пролетают кони да шляхом каменистым...»

Леваков употреблял народные выражения. Вместо «хорошо» он говорил «гоже». Сам из Гуся Хрустального он очень ценил «достижения, которые можно руками потрогать». Но сначала приходилось заниматься прямо противоположным. В институтской стенной газете рисовались силосные башни с табличкой «Для отчётов». Многие институтские отчёты попадали на полку, в том числе и те, что писали о крылатых ракетах Леваков с Раушенбахом.

Временами в комнате появлялся БэВэ (Так одними инициалами его за глаза именовали здесь). Опираясь о стол и не снимая пальто читал газету. Затем его начинали спрашивать и предлагать и обступали со всех сторон. В комнате было тесно. «Расширяемся при постоянном объёме, – заметил как-то Витя Комаров, один из первых, распределённых сюда физтеховец-теоретиков.

Столов было мало. По столу на пятерых. Сидели, где придётся, даже в кабинете зама начальника приютившей их временно лаборатории.

– Я только об одном попрошу, – говорил маленький вечно красный лицом зам, – убирайте со столов это.

И он указывал яркие обложки иностранных журналов, небрежно брошенных на столы теоретиками. С обложек улыбались красавицы и шурили глаза зарубежные актёры.

– Не кабинет, а чёрте что, а у меня люди.

Действительно, весь день к заму приходили с требованиями и деловыми разговорами, наполняя комнату ворохом хозяйственных дел. А спиной к ним у стен за узкими конторскими столами сидели первые «теоретики» космических управляющих систем. Они решали задачи управления несуществующих ещё межпланетных станций, время реализации которых ещё не пришло.

Основной отдельской комнатой главного здания НИИ была всё-таки комната 28. Может от того, что была велика или была первой комнатой направления, а может просто потому, что в комнате была грифельная доска, на которой чертились и перечёркивались многие бредовые идеи. Временами в комнате возникал дикий шум. Напряжение разряжалось.

За стеной был кабинет академика Келдыша, действительно известного учёного, которого с началом космической эры станут в газетах называть «теоретиком космонавтики». Его возмущение понимали и прижимая палец к губам, стараясь не донимать. Он мог, конечно, одним росчерком пера перевести их «в партер», но был незлопамятен, демократом и благоволил к новому отделу лаборатории крылатых ракет.

Выше этажом сидели сотрудники «теоретической», расчётной части отдела. Первую работу по спуску в атмосфере выполнил Люкс. Так сокращённо звали Сашу Люксембурга. В ней были все особенности: управление креном по перегрузкам, структура автомата стабилизации. В их угловой комнате стены украшали отдельские «Скрижали».

Затем новичков вели на стенд. Это была мрачная комната с синими стенами в другом здании, возле центральной проходной. Между колоннами зияла выемка под стенд, а действующий находился рядом. Синяя комната условно называлась стендовой. Стенд ещё только создавался. По комнате там и сям были разбросаны цветные мотки проводов, коробки с приборами. За неимением места комната выполняла роль склада.

Тут же, напротив кабинета Раушенбаха в маленькой светлой комнате находился единственный городской телефон. В ней всегда было шумно. Спорили над листами схем первых систем ориентации, говорили, смеялись, сидя на столах под аккомпанемент междугородних разговоров.

Через эту комнату можно было пройти в комнату прибористов, практиков, как их обзывали здесь. В неё уже завезли грубые некрашенные деревянные столы с хитрыми вырезами и множеством ящичков, сделанные по заказу. На них нагромождали осциллографы, пузатые термостаты, тяжёлые Латры и измерительные приборы с дрожащими стрелками. Раздвигая их, на стол бережно ставили сплетение красных трубочек сопротивлений, разноцветных транзисторов какой-нибудь схемы и относились к ней с почтением, как к очередному божеству. Схема будущего сердца и мозга будущей межпланетной станции на гетинаксовой основе, казалось, понимала своё значение и относилась с должным уважением к себе.

Когда приезжало стороннее начальство, его сначала вели тоже сюда. Щелкала и поворачивалась карусель, вспыхивали проколы лампочек, имитируя Солнце и звёзды. Система уверенно разворачивалась, ориентируясь. Это производило впечатление. Объяснения давал Валентин, крупный, большоголовый. Его трудно было сбить, но раз он растерялся.

На стенд явилось высокое начальство из Подлипков. Оно скептически поглядывало на работающий стенд и задавало провокационные вопросы. Стенд разворачивался, газовые двигатели работали. Перед этим комиссия была на запуске тормозного двигателя. Ребята ходили именинниками. Ведь это был парадный пуск. Его запускали несчётное число раз. Ему предстояло в полёте сработать единожды, но его гоняли сотни раз.

Привычно вспыхивали транспаранты запуска. Гудела эжекционная установка. За толстыми стёклами выложенного кафелем бокса защёлкали плунжера клапанов. Но вместо скрашенного разряжением гудения – молчание и нулевые показания приборов. Это была первая осечка. Ресурс двигателя давно был исчерпан.

Председатель комиссии назвал случившееся эффектом присутствия, а на ребят было жалко смотреть. Теперь комиссия ходила вокруг стенда третьего отдела. Придаться было не к чему: Ориентация работала как часы.

– А если ногой его пнуть? – спросил вдруг председатель комиссии. – Сработает?

Это было ударом под дых. Нити полифилярного подвеса, на которых висела вся гряда металла были столь чувствительны, что при испытаниях задёргивали шторы на окнах и дверях. Малейшее дуновение влияло на стенд. Работали по ночам, когда уменьшалась вибрация пола. А он председатель, герой труда и известный человек позволяет так себе шутить. И Валентин ответил, еле сдерживая себя:

– Система компенсирует возмущение в пределах требований ТУ.

У отдела тогда было несколько собственных комнат. В одной из них, рядом с длинным, наколотым на несколько кульманов ватманом священнодействовал Башкин. Он что-то мерил, двигал движком линейки, объяснял, ругался, снова объяснял и исчезал куда-то. На одном из свободных кульманов чертилась схема. В комнату поминутно забегали, писали на небольшой грифельной доске, спорили и соглашались. Другими словами, в комнате царил бедлам. Хотя были люди, которых комнатная кутерьма вовсе не касалась. Возле окна блондин в очках понимал глаза к потолку и что-то записывал в тетрадь. Другой барабанил пальцами по столу и напевал.

Девушка, чертившая схему, сказала мне:

– Я вас знаю. Вы новенький. И эту схему придётся дочерчивать вам.

– Почему?

– На новичка. Вы новенький и пока войдёте в дело, вас будут чем угодно загружать.

Через пару минут в комнате появился Башкин и без паузы сказал:

– Слушай, Всеволод. Ты пока не у дел. Нужно вес панелей посчитать. Проставить вес. Выпускаем чертежи и нужно проставить вес панелей.

Я работал всего второй день, но в лаборатории все знали уже откуда я и как меня зовут. Вооружившись справочником и линейкой, я начал высчитывать хитроумные вырезы панелей. Всю первую неделю я считал веса панелей и был страшно зол на Башкина. А тот, хотя тоже недавно поступил, чувствовал себя рыбой в воде: бегал, проверял чертежи, писал инструкции, исчезал в цехах и выныривал у БэВэ. На неделе он съездил в Подлипки и вернулся довольный.

– Высокий уровень, – отзывался он о ракетчиках, – но нашего приборного производства им не переплюнуть.

Затем снова пропадал в цехах. Ему повезло. Все его противоречивые знания пришлись нынче к месту. С четырнадцати лет он работал в конструкторском бюро: копировальщиком, техником. Работая, окончил институт, к тому же он был радиолюбителем высокой профессиональной квалификации. Несомненно, он был талантлив в технике и в отличие от остальных сотрудников лаборатории не пугался обилия бумаг, сопровождавших новую систему. И хотя дело было новым, оно казалось привычным Башкину, и он сразу оказался на месте, нужным и незаменимым. Ему теперь казались смешными и его сомнения, и предварительные разговоры с Юрием Григорьевичем, Юркой Ивановым, с которым вместе они учились и который советовал ему пойти после аспирантуры именно сюда.

Диссертации он не защитил, увлёкся одной многообещающей схемой. Внедряя, работали они не за страх, а за совесть, и на прежнем месте его уважали и после ухода. Заслужил.

– Ты скажи о своих полставки, – советовал Иванов, – чтобы тебя сразу старшим инженером сделали.

Толя Пациора считался здешним аборигеном. Толины исходные казались мне загадочными. Я знал, что электронику первой с управляемым движением «Луны -3» создал именно он. Он появился в отделе ещё на пустом месте. «Сначала было слово». Затем отдел стал обрабатывать сотрудниками и комнатами. Прибористы уже не жались по углам, не спорили в коридорах на подоконниках. У них была большая светлая комната, рядом с синим стендовым залом и кабинетом БЭВэ. В комнате появились особые, сделанные по заказу столы, запахло канифолью, замелькали экраны осциллографов.

– Смешно сказать, – рассказывал один из пионеров лаборатории, – вначале не было паяльников.

Прибористы сидели в нагромождении термостатов, стабилизаторов и трансформаторов, распакованных и в ящиках, чертили схемы, а затем паяли их на панелях из гетинакса. Теоретики редко заходили сюда «посмотреть экспериментальный подрыв электролитического конденсатора».

Прибегал озабоченный Башкин. Он уже негласно руководил не только конструкторскими работами, но и прибористами. Потом на одном из отдельных капустников, когда он стал уже официальным их начальником, его обозвали «всех паяльников начальником и триодов командиром». Позже он отстал от чертежей и занимался электронной частью, но пока успевал и там, и тут. А конструкторская группа, разместившаяся временно в красном уголке, была его любимым детищем.

Анатолий Пациора сразу заявил о себе. Бывает и так, человек работает, а его никто не замечает. Слово он- невидимый: присутствует и всё. И постепенно, как джин из дыма бутылки, он материализуется в глазах окружающих. А Толя стал сразу заметным. Он этаким шустриком сразу ввязался в спор с признанными авторитетами. Окружающие потешались: не он, мол, первый или последний. Ребята – зубастые и мигом причешут, но, к удивлению публики, шустрик не уступил и был признан всеми. С утра до вечера они корпели над вычерченной на миллиметровке схемой.

Затем пошли автономные испытания первой системы ориентации. По ночам крутились, разворачиваясь, динамические стенды.

Переспав часок, возвращались с вспухшими глазами. Тряслись на вибрационных стендах собранные и разобранные приборы. В вакуумной камере они теряли остатки газов. Тут же рядом Миша Чинаев корпел над схемой какого-то перспективного, неизвестного тогда ещё корабля «Восток».

Второй этаж.

Нас, переведённых в ОКБ-1 из НИИ-1 ГКАТ в 1960-ом году, разместили тогда в так называемом инженерном корпусе. Бледно розовый, в четыре этажа он тянулся параллельно бетонному забору вдоль Ярославского шоссе. Его отделяли от цехов роскошные яблоневые сады. Большую часть отдела разместили на четвёртом этаже, а меньшую: кого-куда. Например, наш комплексный динамический стенд – платформа на полифилярном подвесе – располагался рядом с проходной, по соседству со столярным цехом.

В аппендиксе второго этажа была комната моей группы. Напротив группы Славы Дудникова. Со Славой мы были ровесниками и закончили МВТУ в один год. Он сумел к тому времени сплотить прекрасную инициативную группу. Они начали лихо – с места в карьер и спроектировали «Молнию» – первый спутник связи – ретранслятор с идеями стабилизации Евгения Токаря.

Дальше за поворотом, возле вечно открытой двери сидели «тепловики» – загадочно странноватый Сургучов и не менее необычный задиристый Илья Лавров. Вид у него, надо сказать, был потёрто-потрёпанный. Но это его не смущало. В жизни Илья Лавров был ярый матерщинник. Что его иногда и подводило. Утром, например, отвозя внучку в ясли, он выехал из проулка возле своего дома и дороге ему перебежала старуха. «Ах ты блядь старая!» – выру-

гался в сердцах Илья. Дальше у перекрёстка пришлось ему задержаться из-за светофора, а по тротуару рядом та же старуха подошла и тогда ильина внучка, крохотная, розовая, не ребёнок ангел во плоти, высунулась из окна машины, выпалив в лицо ничего не подозревающей старухи с тем же выражением: «Ах, ты блядь старая!». Чем вогнала в ступор старуху. В жизни Илья Лавров вообще был чудным. Работавший с ним Володя Осипов прятался за кульманы, чтобы отсмеяться, глядя на его выкрутасы.

Далее был длинный коридор, в котором из значительного слева были приёмная и кабинет Бушуева, а справа – комната ракетчиков-двигателистов. В конце коридора, опять же в углу был кабинет Михаила Клавдиевича Тихонравова, технического отца первого спутника, а за поворотом сектора его проектантов. Подразделения конструкторского отдела располагались выше этажом.

Почти жена космонавта.

Невесты в НИИ, конечно, же были. Чаще девушки-техники, копировальщицы, работницы архивных бюро, плившие в общем течении работ и имевшие собственные планы. Лера из них не выделялась, хотя и была симпатична и мила. О ней сочиняли тайные стихи.

«Круглова Лера

Ищет кавалера.

Не велик пусть чином,

Лишь бы был мужчином.

С ним и на работу,

Пончики в субботу

Покупали дружно.

Что ещё им нужно?»

И хотя в отделе гвоздём была тематика крылатых ракет, ракеты ещё не были на слуху и воспринимались в народе как нечто диковинное. Лера и вовсе считала: «Занимаемся чёрте чем» и имела виды на некоего аспиранта, из тех, что как перелётные птицы приземлялись в НИИ на время аспирантуры.

Аспирант был физтеховец, но не бегал как все, не метался то в цех, то на семинар, а скромно сидел на машине или в углу их тёмной комнаты. Он был поклонником моноидеи. Лера чертила и поглядывала на него. Аспирант вроде бы ничего вокруг не замечал. Всё-таки Леру он заметил.

Перед его защитой с аспирантом случился казус. В своём научном затворничестве, «наедине с великой идеей», он так ошалел, что лишился речи и не смог доложить. Отдел перевели в ОКБ и его, в качестве инженера, а её техником. Затем случилось необыкновенное. В ОКБ был создан отряд гражданских космонавтов, и он тайно подал заявление и прошёл отбор. И Лера почувствовала «свет в конце тоннеля». В её телефонных разговорах появились новые нотки.

Её муж ещё не летал. Он пока лишь числился в отряде гражданских космонавтов, и она была женой «космонавта в проекте». Становясь жёнами космонавтов, они торопились исчезнуть с местного горизонта и объявиться где-то во всей красе и в новом качестве. Всё оставалось здесь, на прежнем месте, как бы в прежней жизни: её взаимоотношения с коллективом и её профессиональные способности. На новом месте она явится в новом качестве, в статусе сопутствующей героини, согероиней. Главное, не спешить и не стараться события опередить. Она ещё несколько стесняется, но появился уже определённый налёт в разговорах. Она говорит по телефону:

– Понимаешь, мы приглашены в одно место. Я не хочу идти туда, но это связано с квартирой... Люди там незнакомые и мы в виде угощения, на третье.

Кажется, она торопится. Сколько надежд разрушилось на наших глазах. Но Лера своего почти что дождалась, хотя и не стала женой летавшего космонавта. Перед полётом в профи-

лактории её муж, тоже мечтавший о новой жизни, увлёкся молоденькой медсестрой и предложил ей руку и сердце.

Космики.

«Космики пришли», говорили о нас в отделе науки «Комсомольской правды». И в этом была скрыта суть. Увы, мы – не космонавты, мы космики.

Тогда нам казалось, что всё у нас лучшее. Лучшая стенгазета, лучшие капустники и, конечно, лучший в мире или по меньшей мере в Союзе коллектив и, конечно, свои ценности.

Помню, шутовское награждение Борисом Викторовичем привезёнными с полигона ленточками заглушек.

Было тревожное время. Существовал своеобразный приказ Главного: «За апрель не ходить». Извещения на изменения подписывались самим главным.

Шли последние испытания и проверки, чтобы в экстремальных случаях выявить «комплекс неполноценности» корабля.

Есть нечто похожее в жизни и приключениях тогдашних засекреченных исследовательских творческих коллективов, даже персонажи. Так Раушенбаха я, хотя и с известной натяжкой, сравниваю с Робертом Оппенгеймером, а Эрика Гаушуса с Ричардом Фейнманом. Тому подтверждением стали их рискованные розыгрыши спецслужб.

Однажды каверзный Гаушус принёс на работу сырую резину, с виду – пластилин, и ходил по отделу спрашивая: подскочит или не подскочит? Казалось, нелепый вопрос – как может подскочить пластилин? И Гаушус торжествуя демонстрировал обратное.

Тогда мы все, как школьники, ходили на работе с портфелями. Каждый имел такой портфель, в котором хранились прошитые, прошнурованные рабочие тетради. В конце рабочего дня исполнитель опечатывал портфель особой индивидуальной печаткой с номером и сдавал на хранение в первый отдел. Пластилин номер сохранял и был гарантией того, что портфель без хозяина не вскрывали. В тот раз Гаушус заменил пластилин этой сырой резиной и привычно сдал опечатанный портфель, а утром, получая его указал работникам первого секретного отдела, что его портфель не опечатан. Сырая резина, не отличавшаяся с виду от пластилина, не сохранила опечатанный номер, вызвав у ответственных за хранение секретов сотрудников спецотдела немыслимый переполох.

Розыгрыши в отделе были хлебом нем корми. На разных уровнях. Когда к прибористам посадили дипломника, они хоть и заняты были, не упустили случай. Достали хлорвиниловую трубочку – изоляцию провода – проволоку вынули, а трубочку под столами подвели к его схеме, а другой конец в коридор.

Приходил студент, здоровался, стесняясь просил разрешения осциллограф включить. Как правило, они были заняты, и он очереди ждал. Наконец, говорили: пожалуйста. Подключал свою схему, в душе перекрестясь. Убеждался: работает, а в душе его, наверное, играла торжественная музыка. Дипломник смотрел по сторонам. Но все были заняты, все работали, не поднимая голов, а каверзный Анатолий выбирался в коридор, закуривал и пускал в трубочку дым.

Дым валил у дипломника из схемы. Тот пугался, сразу питание вырубал и смотрел по сторонам: не видели ли? Но все работали. «Не до него». Тогда он начинал копаться в схеме. Вроде бы всё в порядке. Он снова включал и снова – дым. Дипломник прекращал работу. Нужно разобраться.

Целый месяц его морочили. Позже оправдывались: «Думали, поймёт по запаху табака». Но дипломник попался упёртый и лишённый, видимо, чувства юмора. Дурачились, спорили, когда он, наконец, разберёт? А тот из прибориста превратился в теоретика и теорию сочинил о неустойчивости подобных схем и диплом защитил на эту тему.

Конечно, была производственная загрузка, а рядом бытовой фон.

– Борис, одолжи десятку, а я тебе анекдот.

– Давай анекдот.

– Сначала выясним твою платёжеспособность. Впрочем, слушай...

Идёт корабль по морю. Капитан собрал команду и стал выяснять «кто с кем в рейсе живёт?»

– Ты с кем?

– С финкой...

– За эту старую рухлядь ты хочешь десять новых рублей? Ищи дурака.

– Борис – ты не настоящий советский человек. Настоящий человек выручает товарища в беде.

– А ты-корыстен и ищешь выручки. Хочешь, я тебя наведу. Одолжи у БэВэ.

– Неудобно.

– Тогда в кассе взаимопомощи.

– Не состою.

– Ладно, целуй руки, помогу. Идём к Ольге Григорьевне.

– Всегда говорил, что ты – молоток, только без ручки.

Они идут к Ольга Григорьевне – плановику и экономистке отдела, потому что она и касса взаимопомощи – «близнецы- братья». Она армянка. Её соплеменники и должно быть родственники уже проявили себя в проектном и конструкторском отделах, и окружающие с интересом наблюдали как разрастается на предприятии эта огромная, трудолюбивая армянская семья.

В разговорах никого не щадили. Чаще доставалось Юрию Зыбину, наверное, самому талантливому и с беззлобным характером.

...а гений советских учёных...

– Не надо. Мы давно о нём так не говорим... Мы заявляем: этот задрыга успел натворить.

– Сотворить?

– Так напишут газеты.

И оставалось под тон настраиваться: и работать, и творить и выживать в производственном и бытовом смысле. Как говорится в бассейне: «Плыть от стенки до стенки».

А жизнь катилась своим манером. В воскресенье на картошку. (Убирать картошку в подшефном совхозе).

– Борис Викторович, как же так? Воскресение – День космонавтики.

– А нас это не касается, – ответил тогда Раушенбах. – Мы же не космонавты.

Хорошо иметь свой профессиональный праздник. Например, День навигации.

– А можно ли день превратить в год?

– В полгода можно. Например, полярный день.

В какой-то момент не чувствуешь себя собакой, на которой всё заживёт. Было радостно, когда после первых полётов на фирму приезжали космонавты и выступали на митингах с только что сколоченных трибун. Когда прилетел Гагарин, вообще был «День открытых дверей». Открыли настежь ворота, и местные мальчишки залезли на деревья на территории. И были разные неуклюжие стихи. А Лида Солдатова поцеловала первого космонавта. Но так было единственный раз.

Впрочем, об этом и о разном. Обо всём понемножку.

Артист.

В новом отделе у Раушенбаха три зама: Легостаев, Князев и Башкин.

Башкин действительно – сложный, замороженный или артист? Скорее, артист. Как-то за столом заговорили о главном. Раньше о нём много говорили. В новинку было.

– Работяга он, – сказал Князев. – Зачем ему сидеть над приказами? Замы есть.

– Артист он, – сказал Башкин, – Играет на публику. Его трагедия- в недостатке информации о положении дел. Но интуиция чудовищная. К тому же страсть.

Сам Башкин- артист и с этих позиций смотрит на других. Войдёт в приёмную и не видит никого. Картина озабоченности, в руках какая-то бумага.

– Маша, а где сейчас Борис Викторович, – говорит он секретарю.

У секретаря начальника отдела Маши свои заморочки. Нужных, из тех, что имели доступ в начальственный кабинет, она называла на «Вы», а остальных, по её мнению, ненужных, на «ты». Парторг отдела, например, всех называл на «ты», без разбора. Башкину она вежливо объясняет.

– Послушай, Евгений, – обращается к Башкину Саня, но тот не выслушав выходит.

«Вот кретин», – ругается про себя Саня и выходит следом за ним.

В кабинете Башкина – столпотворение. Кричит отставник Байков, в чьём ведении работа отделеского склада.

– Вы мне работу склада срываете. Мне нужно инвентаризацию проводить, а кладовщик вам чертежи чертит.

– Необходимо через полмесяца выдать рабочие чертежи на лунный корабль, – спокойно отвечает Башкин, – и не хватает рабочих рук.

– Тогда я снимаю с себя всякую ответственность, – гремит Байков.

– Хорошо, – спокойно соглашается Башкин, и Василий Фёдорович Байков удивлённо смотрит на него.

– Подпишите, Евгений Александрович, на выход. – ... инженер протягивает через головы бумагу.

Башкин вскидывается.

– Ты должен быть сегодня на заводе. Почему ты здесь?

– Я был с утра на заводе. Дело там в том...

Идёт длинное объяснение.

– Я так не могу, – говорит Башкин. – Давайте-ка по очереди.

В кабинет его набилась масса народа с бумагами и ещё идут. Начальника отдела Бориса Викторовича Раушенбаха нет, зам Легостаев в «Геофизике» и подписать может только Башкин. Он сам только что из цеха.

– А ну-ка все марш из кабинета, – командует он, чтобы не утонуть в бумажной трясине, – и входите по очереди.

Некоторые, подписав бумаги не уходят, им есть что ещё сказать или спросить.

– Тебе что, Саня? – устало и мягко спрашивает Башкин, и Сане жаль замученного Башкина.

– Номера дел с ТЗ за прошлый год.

Башкин достаёт лист с номерами из-под стекла и протягивает Сане. Тот списывает на подоконнике, а Башкин уже говорит с другими.

– Спасибо, – благодарит Саня, но Башкин его не слышит и с другими говорит. Нет, слышит и протягивает руку за листом. Он в курсе всего, вершащегося в кабинете. Но он – артист.

Всё по плану.

В нашей комнате устаёшь, даже ничего не делая. В ней много говорят. В одном её углу спорят об уставках, в другом- о матрице перехода, а вернувшийся с машины объявляет о неработающем АЦПУ, по двум телефонам одновременно разговаривают и даже из коридора доносится обсуждение спуска. По крайней мере ты одновременно в курсе всех дел. Вопросы важные и касаются присутствующих и трудно не прислушаться или не ввязаться в разговор. Те, кто у нас работает, разом успевают и то, и это: послушать и быть в курсе дела (ведь всё меняется на ходу) и работать, не обращая внимания, по объекту и даже творить и научные статьи их иногда видит мир. Редко, но видит.

Заходит разговор о статьях:

– У меня вернули... У меня вернули две...А у меня чепуху оставили, так что стыдно вспоминать...

–Почему?

- Не подходит по тематике.
- Нужно съездить и объяснить.
- Да, ну их к богам.

Сначала я составляю жёсткий план. Но жёсткий план в наших условиях – сплошное мучение. Появляется что-нибудь неотложное: документ, телефонограмма, звонок, входит зам начальника отдела Легостаев и говорит обычно: «Зайдите ко мне». В своём кабинете он говорит: «Я вот вас чего позвал. Вам нужно поехать туда-то на совещание».

Ты пробуешь возразить: «Ведь этим такой-то занимается».

– Свяжитесь с ним. По приборам, наверное, будут вопросы. Могут быть?

Кто спорит: могут быть.

– Вот и поезжайте. Потом доложите.

– Хорошо, – Виктор Павлович.

И мой чудесный план – коту под хвост. От жёсткого стройного плана остаются клочья и горько на душе. С Легостаевым мы в противофазе. Я старательно избегаю его. Для меня он – «Человек-машина», лишённая эмоций.

По краю Земли.

По Сетону-Томсону, истинному толкователю звериных душ, утренний снег для волка – та же газета. Для уборщицы Инженерного корпуса второй территории Особого конструкторского бюро вечерней газетой была комната теоретиков. «Это не у нас, – говорили в соседних комнатах, это у теоретиков». «Мы – теоретики» назывался постоянный раздел стеной газеты «Последняя ступень». Заставала она их редко и не знала из них никого, начиная смену позже. Но они, как таинственные гномы, оставляли следы своей работы. Стулья, сдвинутые к столу, говорили о минувшем совещании, измазанная мелом грифельная доска о визите командированных. Сами они редко и неохотно писали на ней, а парадно очищенные столы и мешки, набитые макулатурой об ожидаемом визите Главного.

Главного ожидали часто, но в их аппендиксе на отшибе он пока не успел появиться. Его прибытию предшествовало обычное. Ходил по комнатам зам начальника отдела Легостаев, взглядывая на стены.

– Уберите, это снимите, – командовал он и шёл дальше.

– С чего это? – возражали одни.

– Обойдётся, – кивали другие, продолжая прерванные дела.

Между тем комната преображалась. Уходил «в подполье» за плакат орангутанг Буши, скалящий в улыбке перепутанные зубы, длинные ленты шахматных боёв снимались со стен и они принимали тоскливо парадный вид. А парторг Валентин Ипполитыч Телицын, которого за глаза именовали Замполитычем, лично предупреждал уборщицу:

– Вы уж, голубушка, пожалуйста так уберите, чтобы комар носа не подточил.

И секретарь Надя предупреждала с испуганным лицом: Главный собирается прийти, главный на втором этаже.

«Кто он такой, главный?» – думала она. Иногда, убрав комнаты, уборщицы собирались в кабинете начальника отдела, рассаживались вокруг полированного стола, доставали принесённое перекусить, а она любила мягкое кресло в углу. Перемывали косточки и в разговорах не поднимались выше своего руководителя – длинноусого начальника АХО, ходившего в вышитой рубашке и приводившего их в трепет своей придиричивостью. Окончив уборку своих комнат, они ещё раз обходили, оглядывал их. Затем она мыла руки в туалете в углу и отправлялась домой. У неё не было попутчиков. Она выходила проходной к Ярославскому шоссе, с другой стороны.

Давно миновали сроки, которыми когда-то она ограничивала свою жизнь. «До этого жизнь, а дальше существование». И её былую лихорадку мыслей и чувств заменила острая

наблюдательность. На днях вызвал её к себе на ковёр её рыжеусый начальник и вместо профилактики спросил:

– Маша, – он всех называл по имени, – хочешь начинать с восьми?

Она забеспокоилась: «С чего это он предлагает ей? Начинать на час раньше, было, конечно, удобней, хотя и были нюансы. Теоретики иногда задерживались».

– А что? – стараясь не выказывать тревоги, спросила она.

– Согласна? И работа полегче и дел поменьше.

– А почему мне?

– Так вроде повышения. Ты у нас старательная.

– Повышение? – засмушалась она.

– Так согласна?

– Подумать надо. С дочкой посоветоваться.

– Ну что ты, Маша, выдумываешь? И дочки у тебя нет.

– А вот и есть. Не родная, а всё-таки дочка.

И теперь, идя дорожкой вдоль здания, освещённой вечно горящими окнами конструкторского отдела, она подумала: «Хорошо будет, если Светлана посоветует. Может зря она согласилась, хотя, с другой стороны, всё-таки удобней».

Светланка была племянницей, дочерью рано умершей сестры, а отец её Петька уехал на север заработать и пропал. Она звала тётю Машей, но та надеялась, что когда-нибудь и мамой назовёт. Она закончила школу, но в здешний Лестех не поступила. Училась теперь на подготовительных и подрабатывала в подсобке магазина на углу.

Она была дома, вертелась перед трюмо на своих высоких красивых ногах и прикалывала к груди разные брошки.

– Мария Филипповна, – спросила она. – Эта хороша?

Она в ответ спросила её:

– Кто такой теоретик?

– Например Маркс.

– Этот старый, с бородой? А помоложе?

– Теоретики управляют и учат всех.

«Опять не то, теоретики никого не учили, разве что космонавтов, и ещё они боялись главного».

– А кто такой главный?

– Главных полно, начальников. Плюнь и в главного обязательно попадёшь.

«Толкуй вот с ней».

Теперь, приходя раньше, она встречала теоретиков. Чаще они задерживались, играя в шахматы. В тот вечер задержался Валера, самый молодой. Он что-то строчил в прошнурованной секретной тетради и вздыхал и ей стало жалко его.

Этим вечером Валера мучился неразрешимостью. У Земли нельзя было выдать разгонный импульс станции. При разделении летели клочья и любая соринка играла роль ложной звезды. И невозможно использовать звёздный датчик, а гироскопы имели уходы и не могли долго ждать. Получалось, хоть стой, хоть падай и чаще падали. А как нужен этот ранний импульс у Земли. Но увы... Нужны надёжные средства. Такие как солнечная ориентация перед спуском на гагаринском «Востоке», которую придумал Легостаев.

– Вас как звать? Машей? Не представляете, как мне вас не хватает с веником и совком. Убрать на орбите ссор после разделения.

Она не слушала его.

– ...ссор после разделения... Я бы ничего не пожалел отправить вас туда.

– Куда?

– В космос.

«О них верно говорят – не от мира сего». Она ответила в сердцах:

– Сумасшедшие. Недаром о вас говорят: «Парите в облаках». Мой вам совет: держитесь за землю. За край земли.

Она продолжала вытирать пол, но позже ей показалось, что теоретик с ума сошёл.

– Как? Повторите, «За край Земли» – закричал он, – и как я раньше не догадался? Маша, это – идея. Вы – гений. Солнечным датчиком по Солнцу, а дальним земным по краю Земли. Мы это обязательно оформим. Маша, дай я тебя расцелую. Именно по краю Земли.

«Всё-таки они- шизоиды, – подумала она. – Нужно попросит снова перевестись на попозже. Иначе в дурдом с ними попадёшь».

Позже действительно было оформление, и она увидела патент, оформленный по всем правилам, и на его радужной бумаге среди других фамилий свою, подумала «Мир перевернулся». Её фамилия, под которой она расписывалась в ведомости в получку и в аванс, была среди других. За это полагались и деньги и можно справить пальто для Светланы.

Её пригласили и на банкет, скромный, неофициальный. В комнате теоретиков просто сдвинули столы, застелили их карандашной калькой и нарезали, и разлили, что тайком пронесли через проходную. Она нарядилась в бабушкино шёлковое платье, достав его из нафталина в сундуке. Говорили: «...уверенно стартовать к Марсу, Венере, к чёрту на куличках и нас не испугает орбитальный сор». Её называли Марией Филипповной и поднимали тосты за неё, и она подумала: «Теоретики – тоже люди и у неё теперь такие связи и даже, наверное, удастся Светланку на фирме пристроить теперь». Она знала уже, что главным на фирме по фамилии Королёв, но фамилии начальника отдела не знала.

Мишка.

По делу к нему обращались «Михаил Гаврилович», а за глаза звали Мишкой. Он что-то имел не то от нганасан, не то от долган. В общем присутствовала в нём струйка северной медленной крови, которая его мать, геологом болтаясь по северным местам, успела подхватить. В объектовой работе он всегда был на передовой, составляя электрические схемы систем управления, а затем на всех этапах доводя их до ума, неизменно участвуя во всех их испытаниях. С ним было надёжно, потому что он никого не подставлял, ни за кого не прятался, и все неприятности брал на себя. Системы он нутром чувствовал и находил в них узкое место без долгих разбирательств. Он был всегда исключительно вежлив, никогда голос не повышал, а вечерами разряжался с помощью алкоголя.

На всех испытаниях он был от начала до конца. Знаменитая «семёрка» была экологически чистой ракетой. Окислителем её был жидкий кислород, а горючим этиловый спирт. Провозить спиртное на жилые площадки вблизи стартов было трудно, и полигонные долгожители изошрялись в составление инструкций, например на промывку контактов. Руководитель технических работ в МИКе и на старте это понимал и не смотря на представленные ему расчёты спрашивал: Сколько человек в группе? И умножив их число на допустимую негласно норму подписывал требование. Работа была тяжёлая и работавших месяцами на полигоне не грех было чуточку поощрить. Это было «секретом полишинеля» и на него закрывали глаза.

Первые космические старты привязывали к расположенному севернее селению Байконур. Хотя это было тоже секретом полишинеля. Он находился рядом с железнодорожной станцией Тюратам. Специалистам не стоило труда разоблачить этот невинный обман. Как и многие прочие обманы. Но это было делом большой политики, от которой Михаил Гаврилович был далёк, хотя и работал своими успехами на неё. Неизменное употребление подтачивало его организм.

За неизменную порядочность его любили на всех производственных этажах. И ведущим по первым космическим кораблям было незасорно привезти в день его рождения на его квартиру вблизи площади Маяковского охапку цветов.

В основе его семейных переживаний была загадочная история. Его брат таинственно пропал при восхождении в горах. Поиски его были противоречивы и доставляли мучительные сомнения мишкиной семье.

Находясь вечно на передовой, Мишка получал и «по ушам» и награды, но небольшие оттого, что не выпячивал себя и заботился о коллективе. Другими словами, он был своего рода «Василием Тёркиным» начала космических лет.

Меня он называл «Дядя Сея». Так говорила тогда его малолетняя дочь, когда мы совместно снимали с ним дачу в Подмоскowie. Но и все модификации космических кораблей по части управления можно считать его детьми. Подобно домашнему врачу-педиатру он знал и чувствовал новорождённый управленческий организм и добивался его здоровья.

Были нюансы и неизбежного взаимодействия поколения ракетчиков и представителей нового веяния управления космических средств. В части возрастов – внуков и дедов. На космодроме, пристроившись со схемами на ящиках под ракетой-носителем, Мишка переживал, когда усевшийся на стул перед изделием, как называли они космические аппараты, Главный конструктор всего-всего Сергей Павлович Королёв отвлечётся, чтобы шмыгнуть мимо него незамеченным. Неконтролируемый контакт с Главным конструктором был большей своей частью непредсказуем.

В процессе творческого становления, конечно, многое имело место: случалось быть и на коне, и под конём. Не только знания, но и черты характера и поведение играли порой исключительную роль. И нужно сказать, что Михаил Гаврилович Чинаев достойно все эти испытания перенёс и был всегда на фронте пионерских спутниковых работ, в «окопах» передовой новой техники.

Сайра.

За глаза её звали Сайрой. Была, мол, такая история.

Собирались отметить очередное событие, разговаривали между собой.

– Нужно взять сайру.

– А где она работает?

Разговор их со стороны выглядел нелепо.

– Погоди... Кто она?... Ну, ясно. А в чём дело? Погоди... Я просто не могу. Вариантов действительно... Погоди...

Обсуждали и последнюю командировку.

– На анализы нам не хватало времени.

– Небось, по ресторанам сидели...

– Какие там рестораны. А обработчиками телеметрии там были жёны офицеров. Действовали согласно таблицам, а на нас смотрели, раскрыв рты. Как на пришельцев.

– Вы и были такими. Из столицы в камчатскую глухомань.

– Но интересны были и сами офицеры. Они показались нам сохранившейся белой гвардией. Осколком страны на окраине должны непременно быть прущие мужики. Ничего у них за душой, ни знаний, ни совести, но они прорвутся. У них напор и никому не хочется тратить силы в пустую ограничивая их. Ан нет. Какая-то сохранившаяся культура, в центре утраченная. Какая-то деликатность прежних времён. Один из них вернулся из отпуска с большой Земли и знаете, что он компании привёз? Конфеты «Мишка на севере», «Белочку», «Ну-ка отними». Наверное, там на краю страны, на отшибе только так и можно сохраниться. Не сохраниться, а даже сохранить.

В длинном, вытянувшемся вдоль железнодорожной линии кафе-столовой было шумно и стоял непрерывный гул, словно там, в отдалении непрерывно заводили самолёт.

В то время первых пилотируемых запусков сначала существовала традиция после полёта приезжать на предприятие и благодарить, а потом уже перестали приезжать и отмечали в рабочем порядке. Благо с обеда отпускали. Обсуждали наболевшее.

– Что рассуждать плохо-хорошо. Для меня-плохо, для тебя- хорошо.

Говорили о своём. Сайра рассказывала подруге.

– Прихожу к врачу. У меня задержка, мол, а он мне: «Сколько вам лет? Вам нужно любить, рожать, а вы всё учитесь. А по поводу задержки поторопились, – говорит- нужно жить помедленней».

За соседним столиком развлекал друзей Лёшка. Он был потомственным калининградцем. Его мать всю жизнь проработала вахтёршей в проходной. Лешку устроили на телефонную станцию. У него было хобби – имитация голоса. Он развлекался, включаясь в разговоры. Ему доставало удовольствие вставлять реплики в разговор. Он понимал, что с этим очень просто загреметь, но не переставал. Рассказывая об этом, всех смешил.

Говорю ему, сомневающемуся:

– Не узнаешь, а я тебя узнаю.

Или в разговоре с теоретиком, не важно о чём, порождая смятение:

– Ты, как всегда, напутал.

В пересказе выходило смешно, и Лёшка даже себя считал полезным, заставляя теории проверить.

В кафе у станции в такие дни случалось, как бы слияние эпох. Отметить событие вроде святое дело. И не рискуя на территории, а здесь рядом, за проходной встречались потоки, на территории не смешивающиеся. Здесь были и те, кому отправляться на следующей электричке в Москву и местные, «высоколобые» и рабочие. Отметить событие, окончание долгой эпопеи считалось делом святым и своего рода самодеятельностью. В то время все отчётливо понимали, что существует, так сказать, наука и жизнь, разница между словом и делом. Относились к этому, как к природным явлениям.

Случались в кафе, конечно, и пьяные откровения и, если бы их хотели на чём-то подловить, то здесь бы преуспели, но работники первого отдела были больше из своих и в этом не особенно усердствовали. В ОКБ не было уникальных секретов. Секретными были планы. Масса стендов вовлекалась в любой проект и секрет становился явным. Большинство считало для себя вечным здешний круг лиц.

Но не она. Она чувствовала себя бабочкой, пытающейся стряхнуть с себя пыльцу периферийности. По Ярославской железной дороге считалось: до Лосиноостровской ещё столица, хотя и окраинная, дальше – Подмосковьё. И их городу – Калининграду Подмосковному куда до Калининграда европейского. Не догадывались ещё тогда, что именно Калининград-Подлипки зазвучит и станет местом паломничества.

Она просто так считала и при первой возможности упорхнула бабочкой в столицу из этих мест. За глаза её звали «Сайрой», и она была из техников.

Вася.

У него были седые виски, но все его звали Васей, а за глаза ещё и Мешком сказок. Он прошёл все возможные ступени. Начинал с азов вместе с другими, взрывался, горел на стендах, словом разделил коллективный начальный этап, но его коллеги выросли, а он остался жертвой всех этих передвижений и перемещений и даже, когда перешёл из проектного к Раушенбаху, думал здесь будет проще – заниматься одним общим делом, а вышло наоборот. Сюда его взяли из-за опыта. Он знал многое. Не голова, а копилка курьёзов, «тысяча мелочей».

Они жили в новом районе в домах, выстроенных методом народной стройки, и сослуживцы были соседями и по утрам встречались ещё до работы, у остановки автобуса и Вася шутил.

– Что-то тебя последнее время совсем не видно? – спрашивали его.

Вася был человеком без юмора. Чужих шуток не понимал, а когда шутил сам, все из вежливости посмеивались. Он пробовал отвечать в принятой манере.

– Езжу комбинированно, на чём придётся: самолётом, вертолётном, в танке и даже на лафете орудия. Но на лафете меня не видно, возят под чехлом...

Он начинал двигателюстом, но опробовал многое. Знания накапливались. Он разбирался во многих системах и быть на их стыках Васе сам бог велел. Перед переходом в отдел он был проектантом, то есть завязывал и опекал объекты. Разрешал массу противоречий. Позволяя объектам выжить. Вместе с тем он участвовал в испытаниях, хотя это не было обязательным. Из любопытства и принципов старой закалки. Последнее время он чувствовал усталость и память стала подводить, и раз в сердцах он сказал себе: баста. Перечисляя наизусть команды, ошибся, подумал: нужно уходить. И попросился в отдел ориентации, где, по его мнению, было спокойней и не приходилось разбрасываться в русле похожих систем.

И здесь он не давал себя втянуть в коллективную горячку и выбрал себе роль челнока между подразделениями, своего рода чиновника по особым поручениям ограниченной направленности. Этому были особые причины. Во-первых, он не хотел быть начальником, во-вторых, ревниво относился к своим привилегиям свободному пропуску и остальному. И ещё Вася всегда был на месте. К нему приходили советоваться. Вася знал, как сделать чтобы и комар носа не подточил. В голове его скопились тысячи случаев. Что иногда даже затрудняло анализ. Он был незаменим особенно в разборе аварийных ситуаций. После него другим, как правило, было делать нечего. Не ко всякому пойдут советоваться и это был ещё один васин плюс. В большинстве случаев он действовал по личному указанию начальства.

К теоретикам Вася входил со словами: «Категорически приветствую вас». Когда он что-то предлагал, то тут же сам сомневался в предложенном. Его теперешняя деятельность состояла из актов насилия, которым противилось всё его существо. Но когда он отстаивал самостоятельность получалось ещё хуже. Он отставал, терял необходимую информацию. Проще было плыть по воле волн, не сопротивляясь, тогда информация сама выплёскивалась на него. Другим его неудачным начинанием было общение с машиной, а хобби – изучение языков животных.

Вася помнил тысячи случаев, что иногда затягивало анализ и он получался дольше. Зато, когда Вася кончал, после него другим уже было делать нечего. Он действовал лишь по личному указанию начальства. Конечно, и он занимал определённое место в структуре отдела. И когда структуру следовало изобразить, рисовался одним её крохотным квадратиком. Но это формально. На самом деле он был как бы тем же чиновником по особым поручениям при особе императора.

Его последнее поручение было и производственным, и бытовым. Он устраивал на работу Тамару. Она была женой, а теперь вдовой испытателя. В компетенции испытателей входили и инспекции шахтных ракет. Случился в шахте пожар и снизу на поверхность отправляли всех. Неразбериха при этом была, и суматоха и отправленные на поверхность забыли сообщить об оставшихся в шахте. А вызова снизу не было, и позаботившиеся о других погибли в горящей шахте. Теперь Вася устраивал в организм предприятия вдову испытателя Тамару, на подготовку бортовой документации. По странному совпадению касавшейся больше нештатных ситуаций, то есть аварийных случаев на борту.

Проза жизни.

Он был, как считалось, из среднего производственного звена. А значит не ходил на важные заседания и не имел с начальством плотный контакт. Его взаимодействие с руководством завершалось для него на уровне начальника сектора. О нём отзывались с уважением и лёгкой иронией: «Троеборец, мол, с тройками борется». Уважительно по делу, а по жизни снисходительно звали «Маэстро» и начальник сектора мог даже запросто «Задрыгой» обозвать.

Зашёл в комнату теоретиков начальник отдела Раушенбах, в отдельном просторечье БэВэ. Получил нужную справку.

– Что-то у вас тихо, – заметил БэВэ.

«Вот что на практике настоящий деликатный человек», подумал Маэстро.

Вошёл проектант Боря Супрун.

– Слушайте, гиганты, приехали гиганты более толстые и мощные. Левая и правая руки Келдыша.

Обсуждение с прибывшими шло у доски.

– Трах-трах-трах. Это сократилось. Понеслись дальше. Егоров, это медицинский факт?

– Медицинский. Для меня – медицинский.

– Нет, нет, понимаешь?

– Медицинский. Вот посмотри такой фокус. Короче говоря...

– Нет, посмотрите, шустрик какой... движется по определённым законам, а не как у тебя... Ваша к-гипотеза, хе-хе-хе...

Затем к Маэстро пристал оптик, добиваясь выдачи точностей светил.

– Посчитать надо, – заметил Маэстро.

– Машина посчитает, – ответил оптик, не принимая ответы его всерьёз.

Оптик был удивительным человеком. Предельно вежливым и негибким, настаивающим на своём. В этом случае он подключил начальника Маэстро.

– Сколько нужно тебе посчитать, Юра? – спросил тот.

– Неделю.

– Это значит месяц, – кивнул оптику Борис. – У него плохие отношения с машиной.

– Плохие значит, – подключился Чембарисов, – когда набрал задачу и трах-трах получил по личику.

Они мешали ему, и он многое бы отдал, чтобы они именно сейчас могли от него отстать. Он не соблюдал политики. Для каждого начальства, – это понятно и ему, – нужен свой алгоритм взаимодействия. Нельзя, например, выдавать всю расчётную информацию сразу. Иначе создастся впечатление плёвого дела. Информацию нужно выдавать квантами.

В работе всё было на практике важным и нужным и не могло на месте стоять, но зависело от инициативы. Появлялся энергичный человек и дело его обретало особое значение. Были ещё кустари-изобретатели, полюбившие своё. Маэстро же был ни то, ни сё. А точнее и то и сё в одном флаконе.

Для оптика в существо вопроса не было секрета. Только ему заказывать приборы. И с точностями дело совсем не в том, чтобы комар носа не подточил. Главное, чтобы дело не стояло. Можно выдавать приближениями. Конечно, можно заломить такие требования, что все станут с ног на голову и дело затормозится совсем. Маэстро был для него талантливым специалистом и одновременно забавным чудачком. Он только что присутствовал при разговоре, когда они собирались премию сектора делить.

– По справедливости делить или как?

– Что значит по справедливости?

Одно незадачливое происшествие с Маэстро пересказывали все, кому не лень.

Тогда Маэстро казалось, что всё в жизни образуется. Она, которую он уже считал своей будущей женой, приехала к нему с маленькой Наташкой.

– Не разменивайся по мелочам, – советовали ему. – Иди на приём к Главному. Потормоши его фонд.

На двери кабинета Главного висела табличка: «Приём по личным вопросам: вторник и четверг с 8:30 до 10:30». Но за дверью оказался не кабинет, а коридор, облицованный панелями. Слева в конце коридора была приёмная со столами секретарей, справа большая комната с длинным столом и огромным глобусом в углу. За столом сидели ожидавшие приёма. Маэстро оказался двенадцатым. Ожидающие шумели, и в проёме двери несколько раз появлялся референт, просил не шуметь и объявлял, что главный на подходе.

От ожидания было ему не по себе и тянуло в свою комнату, к своим задачам. Раздражали окружающие женщины, переключавшиеся высокими голосами. В коридоре началось движение, и кто-то прямо прошёл к секретарю.

– Сергей Павлович не в духе, – заговорили за столом. – Пожалуй, я в другой раз.

Их ещё помариновали. Из-за каких-то срочных дел приём начался без десяти девять. По знаку секретаря ... отправлялся за двойные полированные двери, за которыми к ожидающим слабо долетал глухой неясный гул.

Появилась первая посетительница, в слезах и махнув рукой. У Маэстро что-то напряглось и не отпускало. Следующие отказались идти.

– Идите вы... Я подожду... А я не пойду. В другой раз...

Маэстро первый раз попал в кабинет главного. На его взгляд он мало отличался от кабинета зама главного на второй. Побольше, конечно, кожаная мебель вдоль стен, длинный полированный стол. Письменный встык и грифельная доска. Главный сидел за письменным в углу. За полированным столом сидели начальник отдела кадров и кто-то ещё.

– Ваша фамилия? – спросил начальник отдела кадров, перебирая листки.

Маэстро ответил:

– Зыбин.

– Полностью нужно отвечать, – Повышая голос, включился Главный.

Что происходило дальше Маэстро вспоминал с трудом. Он судорожно глотнул воздух и сказал:

– Не орите на меня.

Это было неожиданно и все подняли головы.

– По какому вопросу?

– По поводу жилплощади, – начал было Маэстро.

– Жилплощадью я не занимаюсь, – ответил Главный.

– Тогда по поводу яслей, – растерялся Маэстро.

– Яслями я не занимаюсь, – прозвучал ровный ответ.

Наступила пауза, которую нарушил Маэстро, спросив:

– А чем? Чем вы занимаетесь?

Главный опять взглянул. Заинтересованно посмотрел на Маэстро и мягко сказал:

– Выйдите, пожалуйста, голубчик.

И смех, и грех. Так и завершилась эта встреча. Первая и единственная встреча тогда уже легендарного Главного конструктора с будущим выдающимся его последователем, внёсшим массу необыкновенного и творческого в Дело с большой буквы, которое начинал академик Королёв.

Воленс-ноленс.

У него нынче сбой. Накопившаяся усталость отлилась депрессией. Депрессия – общее явление в современном мире вещей.

Мы ищем братьев по разуму. Но, наверное, не там, где следует. Они не в космосе, а рядом с нами, в воде. Дельфины нам братья. У них кроме ультразвукового языка есть и язык жестов. Дельфин, распластавшись по поверхности воды, опустил хвост и растопырил плавники. Такая поза означает, что жизнь пуста и невозможно придать ей смысл, то есть полную депрессию. Такое наблюдается у них после сильного стресса в океанариумах. И вот теперь он сам как дельфин распустил воображаемые плавники.

От всего на свете есть простые средства. За ними идут не в аптеку, а, например, в профком. Неприятно идти в профком за путёвкой. Просить или требовать, доказывать, что ты не лыком шит и достоин. Впрочем, наши достоинства здесь не ценятся. И совсем не факт, что тебе не откажут. Партком, профком – это особый мир. У них свои порядки.

Противное слово – ладить, а точнее подлаживаться, существовать в этой паутине политики «Дал-взял».

В целом очень простая история. Уважаемый человек приходит в профком и просит путёвку, а чиновники издевательски беседуют с ним. Но если перетерпеть... Кипень пены, несчётные удары волн, разбивающиеся о камни, бисер брызг. Многоплановые и разноцветные горы, фиолетовый простор моря, убегающего за горизонт, и малиновое светящееся небо надо всем по вечерам.

Или сизые тучи и лиловое море, песок и по-прежнему праздником пена прибоя. На берегу голые деревья, словно растущие корнями вверх и пронзительно свежая зелёная трава.

Или море бутылочного цвета. Какое оно бывает на изломе или на просвете волны. И не единственная красочка бутылочным цветом, а бутылочное целиком. Везде вдоль берега и до маяка бутылочно-лиловое с лимонным оттенком.

Одним словом, разное море и ради него можно и потерпеть. А ещё тихий курортный городок. Белые рубахи местных щёголей, лёгкие ситцевые платяца. Словом, юг.

А утро сегодня выдалось чистым и ярким. Кругом всё смотрелось как через вымытое стекло. В такое утро не может быть несправедливости. Так он решил по себя, идя за путёвкой в профком.

Но пугавшее позади. Впечатлением остались глаза. Хитрыми смотрелись они и злыми. Где-то на стороне он видела такие глаза. Да, видел, летом в зоопарке. Он увидел такие глаза у слона. Слон был большой и с виду в целом добродушный, но его выдавали глаза. Они были маленькими и злыми.

Впрочем, он всё это выдумал. С сочувствием встретили его в профкоме и быстро оформили путёвку. Наверное, был звонок из отдела или рангом выше, от начальника комплекса, а, может, и от самого Главного. Хотя он не птица его полёта, но тоже устаивался. Так в КБ принято. И очень приятно, что рядовые винтик или гаечка устаиваются не только громких слов и кое-чего ещё.

В отделе его ожидало неожиданное. Сроки пуска курируемого им изделия перенесли. На носу пуски, планируемые на конец года. Сверху надавили и никуда не денешься. «Против лома нет приёма». С самого верха. Выдумывают тамошние мудрецы из военно-промышленной комиссии. И, как говорится, «Воленс-ноленс». Нужно опять идти в профком, сдавать путёвку. Придётся сдать. Да, он и не решил, а отказался «в силу сложившихся обстоятельств».

Парторг.

В ОКБ набирали силу партийные службы. Они совершенствовались и непрерывно росли. Партийными поручениями стремились загрузить отдел сверх головы и тогда было принято Решение. Загрузить ими полностью одного. Все заботы парторга отдела доверили одному, специально принятому на работу. Освободив его от прочих дел.

Он был местным, старой школы и поголовно знал в лицо всех из партийной пирамиды. В отделе вздохнули с облегчением. Теперь по партийным делам обращались прямо к нему. Остальные не отвлекались от дел. Парторг к тому же играл роль психолога. К нему охотно шли с бытовыми проблемами, потому что по сути своей он был отзывчивый человек.

Статус парторга, казалось, был выдуман именно для него. Со временем в силу какой-то тенденции в отделе объявилась масса отставников. Закончив военную службу, они искали возможность применения своей активности. Все они были партийными. Занимая хозяйственные должности, они оставались по вечерам, проводили партийные собрания и принимали разные, в том числе и кадровые решения. И таким образом в отделе негласно сложился негласный орган, «второй руководящий мозг», который начал бороться с первым. Поначалу его не замечали, но, когда стало невмоготу, в отделе забили в набат, призвав сотрудников в партийные ряды. Ведущие специалисты отдела ему последовали, после чего партийные собрания не стали отличаться от производственных. Партийные функции сначала выполняли по очереди. Но вот появился

парторг и всё встало разом на свои места. Ему удавалось впрячься и выполнить вовремя массу ненужных дел, якобы для престижа отдела.

Парторг сидел в комнате замов начальника отдела. Само собою он слышал и знал ход производственные дел. И не мешал, а помогал уже тем, что по партийной линии отдел считался на хорошем счету в ОКБ.

Сегодня все ушли на совещание, и он остался один в комнате. В комнате было тихо. Парторг достал красную папку с партийными делами. Он записал в амбарную книгу тему лекции и позвонил в парткабинет её утрясти. Лекцию навязали. Он бы «ни в жисть» таких лекций не читал. «Скрытые потенциалы». Чему, мол, обязан прогресс общества? Общество исчерпало себя и остановится в развитии. Если... Если что?

Лекцию в отделе не станут проводить, но возможна проверка. Её нужно упредить. Он даже свою тему предложил: «Итоги роботизации». Как на работе использовать тот же потенциал с помощью автоматизации. В парткоме инициативы, как правило, одобряли, и эту одобрили.

Пока в комнате было пусто, он и другую папку достал. Интимно -персональную. В отделе его безусловно понимали. Его заботами минимизировалась большинство отдельных бед, случившихся в основном оттого, что отдел был молодёжным. Что было причинами? Командировки в отрыве от бытовой среды и даже удивительный феномен – уважение в работе.

Руководители ОКБ не числились ханжами. Разбирая очередную полигонную историю, Королёв сказал: «В ракетной технике не место импотентам», и он полностью согласен с ним. Достоевский провозгласил: «Мир спасёт красота». В здешнем конкретном случае она могла погубить. Ведущий специалист по сближению собирался уволиться, так как не мог работать бок о бок с обманутым мужем, возвращающимся с космодрома из длительной командировки. Он знал из писем об измене жены и даже грозил, вернувшись, убить обоих.

Практика подсказывала, «из безвыходных положений есть минимум два выхода». Первый – уволить источник страсти. «С глаз долой, из сердца вон». Признать, что она прекрасна и уволить её. В любой жизни она, наверняка, получит льготный входной билет. Только не здесь.

Парторг позвонил Алле на рабочее место и попросил, а скорее велел, зайти пока в комнате замов пусто. Она вошла танцующей походкой. «У неё всё в порядке и никого и ни с кем она не склонна обсуждать». С полигонным страдальцем они официальные муж и жена. Потопились. Расписались в местном загсе. Пока без свадьбы. С другим сложнее, можете считать, что по-житейски «бес попутал». У него семья и истончившаяся семейная связь. Он больше времени на работе.

Мы воспитаны смыслу поперёк. «Первым делом, первым делом самолёты...», и это явный минус семьи. Кто придумал сегодняшний мир? Холодного противостояния. Он напряжён. Что за подвиг быть первыми в космосе? А вторыми? Мы что-то там потеряли и что приобрели? Океанские глубины исследуют, например, без ажиотажа. А ради очередных космических побед рушится семья. В своём ли мы уме? Что нам велели предки и заветы здравого смысла? Словом, наш первый выход – невыход и стоит ли разбирать второй? И вообще, за других решать, даже ради успеха в космосе?

Парторг вздохнул и первый раз в жизни признал своё полное партийное бессилие.

Проверка на вшивость.

После ярко освещённого зала испытательной станции в кабинете как-то по-особому было темно и тихо. В ушах ещё присутствовало стрекотание механизмов и громких транслируемых команд.

Борис Викторович Раушенбах сидел в кресле у стола, не зажигая света. Расписание его дня умещалось на крохотном, плотно исписанном листке. И чтобы выполнить его, нужно было переговорить с одним, другому лишь кивнуть, изобразив внимание, и многих просто не замечать, чтобы всё успеть и выполнить.

Вчера на партийном собрании об улучшении организации работы парторг одела докладывал заключение комиссии. В разделе о руководстве говорилось и о начальниках отделов, то есть касался и его.

– С большим трудом мы добились у начальства расписать свой рабочий день. «Тридцать процентов, – говорил парторг, поднимая руку вверх, – у начальников тратится на переходы». Ещё двадцать на ожидание в приёмных более высокого начальства.

«Действительно уходит много времени. Говорят, Форд, встретив на территории его фирмы инженера, спросил: куда это он идёт? Тот ответил, что по делу туда-то и туда-то. И Форд уволил его за то, что инженер не использовал технику связи, не решил вопрос по телефону».

Раушенбаху нравились переходы. Единственная возможность подумать. «Спокойно идёшь себе асфальтированной дорожкой, петляющей меж деревьями, и начинаешь смотреть на всё философически спокойно и как бы со стороны».

– Но это не всё, товарищи, – продолжал парторг. – Результатом опроса руководства 10% времени у них уходит на разные совещания, где они действительно нужны. И в результате крохи остаются не глядя подписывать бумаги, а на разговоры с сотрудниками не остаётся времени вообще. Не говорю о разных общественных делах. Теперь судите сами. Видишь, идёт на встречу Борис Викторович, а у него глаз дёргается.

Через стенку чуть слышался голос секретаря и стук пишущей машинки. Скрипнула дверь.

– Разрешите?

На пороге появился его зам Евгений Башкин.

– Да, – отозвался Раушенбах, – включайте свет. Я как раз собрался послать за вами.

Щёлкнул выключатель и световые блики заиграли на разных предметах. В ещё тёмных стёклах, футляре старинных часов, полированной поверхности стола заседаний и коричневой грифельной доске.

– Сейчас придут от Пилюгина. Возьмите кого-нибудь из динамиков, знакомого с посадкой.

– Скотникова бы. Да и ваше присутствие, Борис Викторович, не помешало бы.

– Меня отсылают в министерство. Перед обедом приедет Главный.

Раушенбах чиркнул что-то в густо исписанном листке

– Борис Викторович, – заглянула секретарша, – возьмите трубочку.

Звонили от Богомолова.

– Да, в десять ждём баллистиков от Келдыша. Меня не будет. Будет Башкин. Передаю трубку секретарю. Вам закажут пропуск.

– Борис Викторович, – не уходила секретарша. – Вам аспирант всё звонит по поводу отзыва. У него завтра защита.

– Отзыв отослан. Справьтесь у Лиды.

– Борис Викторович, я вытаску из двери ключ, – поднялся Башкин за выходящей секретаршей. – Иначе не дадут поговорить.

Раушенбах забарабанил пальцами по плексигласу на малиновом сукне стола.

– У Главного у нас будет бледный вид. Причём опять-таки без вины виноватыми.

Раушенбах внимательно посмотрел на Башкина. Перед ним сидел широкоплечий, тридцатидвухлетний мужчина, высокий и крепкий. Волосы его со лба уже начали редеть, а чуть раскосые глаза глядели лукаво и насмешливо. В молодости ему, как и всем, пришлось нелегко. Работал конструктором, учился заочно, прошёл, как говорится, огонь и воду. Затем аспирантура в одном из академических институтов, но потянуло на горячее. Здесь всё пришлось в строку, знания и практический опыт. За два года стал замом начальника отдела и лауреатом Ленинской премии.

Башкин объясняя чертил на доске, а Раушенбах спрашивал и делал заметки на крошечных листках. Не один из них пока не обмолвился о том, что действительно их беспокоило. Случившееся ночью. История с «тремя мушкетёрами». Так назовут эту ситуацию позже. «Ах, Пестряк, Забалуев. Ах, товарищ Доценко...», – будет петься в отдельской песне.

Накануне заканчивали отладку «Чайки». Непосредственный начальник бригады прибористов Михаил Чинаев был на ТП. Отладку комплекта закончили ночью, когда электрички уже не ходили. Решили отметить окончание хлопотных работ в общежитии, где играли в карты и выпили принесённый спирт.

Соседом страждущей комнаты оказался испытатель из КИСа. Ему тоже не светило начать свой напряжённый производственный день не выспавшись. Он их предупредил. Но тем уже «море было по колено», поэтому бдительный кисовец позвонил из вестибюля в милицию. Приехал скучавший оперативный отряд и «мушкетёров» скрутили. У Забалуева было больное сердце и ему особенно тяжело пришлось. Попутно было многое высказано. А когда после начали разбираться, в ход пустили привычное: они, мол, выдавали секреты. На фирму пришла официальная «телега». Теперь на второй территории ждали Главного. Он давно грозился навести порядок в отделе.

За исключением самого начальника в отделе все были молоды. Начальника сектора теоретиков Бориса Павловича Скотникова, первого отдельского кандидата наук поначалу стеснялись называть по имени-отчеству и для разгона за глаза именовали Борисом Крокодиловичем.

– Меня намеренно отсылают в министерство. От отдела идёт Петр Федорович, вам нужно усилить его.

– Нас всё ещё проверяют «на вшивость», – вздохнул Башкин.

– Такова наша собачья доля.

Неизбежное, как не противились, случилось: «мушкетёров» уволили по настоянию Главного. Когда после полёта на фирму приехал Юрий Гагарин, он всех благодарил, но особенно тех, кто готовил его корабль. В их числе сотрудников отдела 27 – «мушкетёров»: Пестряка, Забалуева и Доценко.

Нет худа без добра.

Новоиспечённому отделу назначили сверху нового зама. Временно. Знаем мы это временно, пока. Это и раньше замечали прозорливые люди.

«Между тем это «пока» имеет самое широкое применение, особенно в мелочах повседневной жизни, – писал Д.Н. Мамин-Сибиряк в «Горном гнезде». – Известно, что битая посуда два века живёт и постройки, воздвигнутые на время, в ожидании капитальных сооружений, пользуются особой долго вечностью. Все архитекторы и подрядчики отлично знают, что стоит только поставить на время какую-нибудь деревянную решётку вместо железной или дощатую переборку вместо капитальной стены – и деревянная решётка и дощатая переборка переживут и хозяина и даже самый дом...»

Многие удивлялись: «Каким ветром к нам его занесло, да ещё замом начальника отдела?» Он совершенно не подходил нашей молодёжной среде.

Пожар в комнате прибористов начался с электрического щита. Начальника группы Володина уволили в тот же день, дежурного по отделу перевели в инженеры, а руководство отдела получило страшный нагоняй. С этого и произошёл расцвет Орешкина, зама начальника отдела 27. Зачастили совещания начальников групп. Дмитрий Фёдорович садился за начальственный стол, а остальные размещались кто-где. Рассаживались вплотную на мягком сером диване у стены, на стульях вокруг светлого лакированного стола, пристыкованного к письменному ножке букве «Т». Собираясь, чертыхались. Но не могли послушаться.

Дмитрий Федорович, заложив руку за борт полувоенного френча, ходил взад-вперёд по кабинету истолковывая очередной приказ или распоряжение. По-прежнему время от времени отделы отправляли сотрудников на стройку и в подшефный совхоз, на прополку чахлой куку-

рузы и на уборку картошки. Против этого как правило не возражали, а в перерыве жарили шашлыки и рассказывали анекдоты. Дружно ходили на демонстрации, но микроб казёнщины и здесь пожирал естественную радость.

За неделю до мероприятия старший мастер и по совместительству кладовщик отдела инструктировал начальников групп, и они расписывались на обороте приказа и отвечали за явку групп на дежурство по городу, на уборку города, на строительство и на мероприятия по плану шефских работ.

В отличие от Раушенбаха, державшегося всегда ровно и без фамильярности, Дмитрий Фёдорович пробовал заигрывать с народом, рассказывал какой-нибудь затасканный анекдот и неумело матерился. Но все его попытки сближения, наткнулись на глухую стену. «Дело, мол, делом, но в душу просим не лезть». Принимали его как стойкий продукт эпохи. Призывали к сдержанности: мол, зачем соваться рылом в общественный огород?

За глаза о нём говорили. «Дуб дубом, но выучился манерам. Начинаешь убеждать его, а он: «Отлично понял вас, но поймите и вы меня». Дальше следовала абсолютная чушь набора аргументов. Лицо его было полным, набухшим, как вымя. В одном месте только оно лопнуло и вывернулось выступами губ.

С руководителями групп он проводил тематические беседы. Теоретикам говорил:

– У вас в обед, известно, играют в шахматы, а ведь обеденный перерыв следует рассматривать как время, необходимое для восстановления сил на последующий период работы.

Он растерялся, когда на аттестации в кадрах начальник отдела кадров его спросил:

– А вы знаете, например, кто из ваших сотрудников с кем живёт? А ведь это практически очень важно «быть в курсе».

Когда случилась беда, именуемая «Историей трёх мушкетёров», Раушенбаха в отделе не было. Орешкина вызвали к начальнику комплекса Бушуеву, куда с первой территории приехал Главный конструктор Королёв. Он сразу закричал на Орешкина: «Вы вбиваете клин в дисциплину» и прочие гневные слова, чем совершенно того перепугал. История была в том, что закончив испытания комплекта «Востока», ребята выпили спиритку и попали в милицию, где с ними бесправно и грубо обошлись. «Эх, вы, – сказали они, – мы над таким работаем, а вы... Звери. Не место вам в нашем советском обществе».

На фирму, как водится, «телега» пришла. Оправдываться милиции было не в первой. Они и выкатали обычное: «Выдавали секреты». Скоропалительно был подготовлен приказ об увольнении. Отдел на него возразил ходатайством. От этого заварился весь сегодняшний сырбор. Орешкин случайно тогда подвернулся под руку. «Мушкетёров уволили, а точнее, махнув рукою, они сами с фирмы ушли, а у Орешкина появился животный страх остаться наедине с высшим руководством в случае следующей беды. В том, что она в этом отделе неизбежна, он не сомневался и в страхе жил.

Нет худа без добра. После этого случая отделу стало чуть вольготней. От того, что Орешкин надолго умерил свой организационно-воспитательный пыл.

Будни политучёбы.

«Ведь, если звёзды зажигают, значит это кому-нибудь нужно?» Маяковский бился в истерике, отвечая на этот вопрос. А ответ прост. Это нужно навигаторам. Была поставлена задача – лететь на Марс и потребовалась автономная навигация для определения местоположения космического корабля относительно звёзд и прогноз. Планеты тоже использовались. Планета буквально – «блуждающая звезда». Такими считали их древние наблюдатели.

Политзанятия в то время в ОКБ, как и повсеместно по стране, были обязательными. Время от времени в отдел ориентации посылали «проверялку». На этот раз проверяли теоретиков. Те занимались навигацией и политучебу не воспринимали всерьёз, считали ерундой и не желали тратить на пустое время. Но приходилось притворяться. Изображать подобие философского семинара. В этот раз назначенной темой была «Наука и жизнь». Политорганы тре-

бовали активности, поощрялись семинары в виде диспутов. «Проверялка» на этот раз был из партийных назначенцев и серьезно относился к своим обязанностям. А теоретики лепили не задумываясь, что в голову придёт.

– Наука вот уже триста лет развивается по экспоненте, и если она и дальше так будет развиваться, то скоро все станут учёными и некому будет сеять хлеб и доить коров. Золотое время безалаберности и поиска закончится. Придётся жёстко перспективное выбирать, и что следует прикрыть. Не будем страусами. Число учёных не увеличится и будет много машин: вычислительных, обучающих, развлекающих. Ценить же будут новые идеи. Другими словами, в фаворе будет наука.

– А жизнь жизнью. Всем ведь хочется иметь семью, детей. Послушайте, размножение и ныне мировой бич. При современной скорости через пару тысяч лет суммарный вес людей на Земле станет равен весу земного шара. Поневоле придётся заселять иные миры.

– Позвольте вам не поверить. Заселения не будет. Общество ограничит рост. Просто трудно и почётно будет получить разрешение – ребёнка иметь. Вспомним опыт Китая...

– Определять будет обеспечение.

– Ни в коем разе. «Ничто так не раздражает и не вызывает такого пресыщения, как изобилие», – утверждал Монтень.

Проверяющий был из конструкторского отдела. Человек он был степенный и возрастной, как говорится, старой закалки. Местным грабинским кадрам теоретики казались «пришельцами», свалившимися на вторую территорию из научных столичных сфер. Он с удивлением наблюдал их молодую поросль. Этим привычно называли теоретиками. По сути своей они и были своего рода местными учёными, хотя и «молодо-зелено». Учёных всегда ведь изображали стариками. Как будто у них не могло быть молодости, любви, остроумных тостов за праздничным столом и сложных взаимоотношений. Большинству они казались странными и даже было не нужно убеждать, что с ними всё достаточно просто и кому по жизни интересны их заморочки? Проверяющий знал, что они занимаются навигацией. Определяют в полёте маршруты космических аппаратов собственными средствами. Он даже шутку помнил о них в виде вопроса-ответа. Вопрос: «Кто был первым навигатором?» Ответ: «Матрос-партизан Железняк. Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону». С виду забавные ребята. Однако теперь ему поручено бесстрастно оценить их политическую зрелость.

Что можно об этом сказать? В целом впечатление солидное. Не сбросишь факта, что ребята старательно готовились. Подготовка фундаментальная налицо. Может, правда, чуть не согласно методичке, но самодеятельность в политучёбе поощрялась. И «проверялка» с сознанием дела и полным удовлетворением на этот раз, записав в своём регистрационном «толмуде» сам факт проверки, поставил отличную оценку философскому семинару теоретиков.

Через запятую.

Кабинеты начальников отличали по дверям. Это были красивые деревянные двери. Если начальник переезжал, переносили и его «начальственные» двери. Наверное, владельцы кабинетов их не замечали. Им были двери не интересны, им было не до них. Двери была причудой хозяйственников.

Утверждение начальником означало только право на ненормируемую работу. Начальники в ОКБ времён Королёва работали больше всех. Кроме того, способствовать общему делу и делиться знаниями – было общим правилом. Делились всем.

Начальники существовали в собственной среде. По сути дела, мы обслуживали их. А нас обслуживали экономистки, уборщицы, вахтеры, работницы техархивов и машбюро.

Предприятие образно, в житейском смысле, представляло собой слоённый пирог, на котором начальство смотрелось вишенкой, а мы кремом между слоями. Без крема, конечно, можно существовать, только какой это пирог?

Хозяином пирога, наверное, считалось министерство, заказчиками – правительство. Верха, такие как министры и военно-промышленная комиссия, от нас были далеки, хотя международное значение работ «у мира на виду» порой отбрасывало условности и, пронзив все слои, касалось и нас. То мы в ответ известным западным обозревателям писали язвительные статьи-ответы, то готовили справки первым лицам, то описывали новое «русское чудо». Как представителей передовой советской молодёжи, нас просили оценить художественный фильм, например, Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» или документальный Юрия Визбора. Иногда, в моменты крупных разборок нас тягали на самые верха, но чаще наше начальство дребезг высших слоев блокировало. Была у нас пёстрая жизнь.

Читаю в дневнике: «...Вчера запустили «Восток-3» с Николаевым, а сегодня «Восток-4» с Поповичем, а у нас позавчера убили Белавкина. Нашли его в подъезде с проломленной головой. В жизни всё рядом, успехи и преступления. Несколько дней назад всем отделом ездили на прополку свеклы в колхоз «Майский». Помню, как он, выполнив свою норму стал помогать другим. Помню, как он после работ играя на аккордеоне шёл к машине. Галя Кондрашина хорошо пела под его аккомпанемент. И вот его нет. Космонавты всё летают и все спрашивают: когда посадка?»

Не верно считать, что при Королёве всех всё устраивало. Нет, всё было иначе. В январе 1964-го года запустили первые спутники «Электрон» для исследования радиационных поясов Земли. Событие нашло отражение в стенной газете проектантов.

«Запустили «Электрон»,
Чертежей на сорок тонн.
Не рассмотришь, что к чему?
Перспектива вся в дыму».

Опять из дневника: «Смотрели КВН у соседей по телевизору. Победила команда МФТИ, выигравшая у медиков. По два человека от команд слетали за время передачи в Ленинград. Физтехи привезли туда снежную бабу из чистого московского снега. Возглавил команду физтеха Ося Рабинович. Юра Спаржин чудесно играл представителя фирмы «полезные советы», пародируя передачи КВН и «Голубой огонёк»...

... Феоктистов в космосе. Небывалое дело. Не верили, что его выпустят. Видел его жену после запуска. Мы шли из столовой, ничего ещё о запуске не зная. Жена- молоденькая девушка из наших ровесников на фирме. Она бежала навстречу с озабоченным лицом...

... Было большое совещание по ТМК (Тяжёлому марсианскому кораблю) Борис Викторович Раушенбах цитировал коран в суре «обвешивающие»: бывают такие, которые при продаже вешают по одному, а при купле по-другому или бросал реплики: бывают разные Кюри. Жолио Кюри и кратер на Луне. Это опять совсем другое.

Вот так через запятую и шла наша жизнь.

Общие хлопоты.

Переезд Ярославского шоссе из-за железнодорожной ветки между первой и второй территориями был камнем преткновения не только для транспорта ОКБ, но и для всего движения по шоссе. Шлагбаум его почти никогда не поднимался и приходилось пережидать проходящие составы часами. И когда рядом с шоссе начали строить мост, многие вздохнули с облегчением. «Наконец-то руки дошли». Однако не тут-то было. Переезд так и продолжал существовать, а ОКБ разрешило свои проблемы, построив собственный мост через железную дорогу между территориями. Этот случай мне демонстрировал идею: хлопоты могут быть общими, а решение своё.

Мы жили своими проблемами ответственности за вооружение, хотя тем самым заботились об остальных. Жизнь наша за сплошным бетонным забором катилась своим чередом.

От Грабина остались сады. Они сохранялись какое-то время на второй территории за металлической оградой с пушечками данью прежней сентиментальности.

Затем грабинские сады снесли и построили столовую «Россия» и вычислительный корпус. А впритык к нему, поперёк корпус ЛКК. В нём на третьем этаже разместилась и служба гражданских космонавтов со своим «греческим залом». Так его шутливо именовали готовящиеся в полёты.

Корпус планировался и для размещения высокого начальства. Но тогдашний Генеральный ОКБ, знаменитый двигателю Глушко не пожелал покинуть первую территорию и кабинет легендарного Главного. Он остался в 65-ом корпусе, на втором этаже. И вообще многое тогда перепрофилировалось, и работы у многих поменялись. Возвращались с полигонов испытатели и оседали в ОКБ.

За первой появилась вторая, а затем и третья территории. Они существовали и раньше, но их перепрофилировали под космическую тематику.

Мы разделяли общие заботы страны. Нас отправляли на стройки и «на картошку» в подшефный совхоз. Будучи молодёжным отделом, шефствовали на соседнем детском домом. Наши девочки-техники штопали детские чулочки, а мы копались в детдомовском саду. Мы, как и вся страна, изучали труды основоположников марксизма-ленинизма и новоиспечённые мемуары генерального секретаря. По разрядке мы дежурили на улице в виде народных дружин. Словом, исполняли положенное и сверх того и ещё сверхурочно работали.

Теперь трудно представить такое. Наверное, разумнее не тягаться, а совершенствовать своё. Впрочем, у каждого были свои потолки и пределы. Каждый стремился дальше бросить своё копьё. Некоторым это удалось в полной мере. Другим предстояло успокоиться и довольствоваться коллективными лозунгами. Мы оказались вместе собранными и эпохой мобилизованными. А теперь предстояло задуматься о своём дальнейшем пути.

Володя Осипов как бы в начале действовал «на подхвате». В проектной группе Славы Дудникова проектировали «Молнию» с идеями управления Евгения Токаря и роскошью возможностей всемирной спутниковой связи. Володя органически не тяготел к руководству и долгое время довольствовался возможностями индивидуального творчества, находясь в подчинении других. Он и его коллеги по «Молнии» подпитывали и поддерживали Феоктистова, который чувствовал себя уже профессором проектно-космических наук, хотя эти подчиненные были не менее способны и заслужены. Последним Володя раскручивал перспективный творческий проект тросовой системы, «космического лифта» по Циолковскому. Решение энергообеспечения, поддержания высоты орбит, глобальной связи без расхода горючего нетрадиционными средствами техники сулили решение в нём.

Башкин мог бы расти и расти в ОКБ, но посчитав нужным ушёл из ракетно-космической техники в технические службы центрального телевидения. Его, стало быть, увлёк этот новый идол-бог. Когда посетив его дачу близ Истры, я упрекнул его, сказав, что считал, что кости будут выгребать из мерзлоты космонавтики, Башкин и особенно его жена Лида резко возразили, попросив повременить с темой костей.

Ребята, которые ушли из отдела вместе с Мышлецовым, держались и в отделе командой. Анатолий Мышлецов, начальник группы без группы, получив как казалось нам синекуру, предложил перейти с ним всей командой. Возглавляемое им Научно-производственное объединение «Каскад» стало за короткое время центральным предприятием средств связи, учествовавшим во многих проектах РКК «Энергии».

Когда индивидуально открывалось иное, в него ныряли с головой. Ушли в вузовское преподавание Евгений Токарь и Валя Голованова, в журналистику Алексей Горохов и Станислав Хабаров, в писатели-фантасты Владимир Щербаков, а Алексей Елисеев и Олег Макаров в космонавты. Бог им судьёй. Но стартовый заряд первых космических лет в них, как правило, сохранялся. Словом, налицо имелись общие хлопоты и индивидуальный путь к собственной звезде.

Песни о Главном.

Защитив успешно кандидатские диссертации первыми в ОКБ, мы были очень удивлены реакцией Главного конструктора. До этого работникам ОКБ их присваивали в редких случаях, и удостоенных так и именовали: «профсоюзные кандидаты и доктора». Но мы были продуктом защиты на Совете из выдающихся отечественных учёных. Реакция же Сергея Павловича Королёва была такой: он прикрепил нас к особой «атомной» поликлинике Средмаша, то есть позаботился о нашем здоровье. Мы этого тогда не оценили в достаточной степени. Были молоды, здоровье наше, казалось, не требовало забот. Оценка его внимания пришла к нам позже, задним числом.

Забавно выглядело наше знакомство с этой поликлиникой. Так в очереди к врачу для справки в дом отдыха, мы слышали от окружающих: «И не думайте. Чего захотели, к морю? Только в дома отдыха Подмосковья». Но эти порядки не распространялись на нас. Королёв выбил для отдыха работников ОКБ «Крымское Приморье» в Крыму, рядом с вулканом Кара-Даг. Чудесные бухты с изумрудной водой, потухший вулкан и Золотые ворота, напоминали Главному конструктору времена его планерной молодости и Коктебель. Сам он Крыму не отдыхал. Отдых скупо входил в его лимит времени. Он понимал, как стремительно сокращается «шагреновая кожа» жизни его.

В жизни Королёв был очень разным. Мог разнести не за что. Встретив у МИКа с книжкой в руках талантливого теоретика Бориса Скотникова, он «понёс его по кочкам», вылил на него всё свое неудовлетворение текущей подготовки к старту изделия – межпланетной станции. Одним из творцов которой и являлся именно он – Скотников. Но подвернувшись под руку Борис схлопотал по личику ни за что.

Подозреваемого в сепаратизме Бушуева, желавшего якобы сделать Вторую территорию самостоятельным Центром Космических Услуг, он с этой территории убрал, заменив её командование верным Чертоком.

ОКБ при нём стало тесным аквариумом. Управлять проектантам было не просто. Проектанты были люди особенные. Проектант должен ответить на любой вопрос. Он всё должен рассчитать. Его мысли войдут в полётную документацию. И не только всё должен рассчитать и вычертить, но и предвидеть то, о чём пока никто не догадывается.

Проектанты были творческими и непростыми людьми. Так по слухам в период создания «Востока» его непосредственные создатели Олег Макаров и Владимир Молодцов между собой не разговаривали, а обменивались записками. ОКБ стало тесным для многих из них.

Королёв не особенно жаловал Глеба Максимова, который был выдающимся проектантом, и о нём особый разговор. Он был Проектантом с заглавной буквы.

У него узкое лицо и чёрные волосы. Если снять очки и отрастить короткие усики, он, пожалуй, сошёл бы за мексиканца. Говорил он вроде добродушно, но мозг его цепко работал и стоило оступиться, и он задавал вопрос. Он никогда не начинал разговор, не просчитав всего, что было возможно, не рассмотрев обсуждаемое с разных сторон. Знавшие его, говорили с ним осторожно, взвешивая слова. Через час-другой слова могли вернуться протоколом, отпечатанным и подписанным. И получалось, что теперь только вы держите его. Он был фанатом, преданным работе, и мог, если понадобится по ходу дела выставить вас в невыгодном свете, но за предельную преданность делу, такое прощали ему.

Он мог, хотя и редко, пожаловаться на вас начальству и даже заложить, но только ради дела, которому посвятил свою жизнь. Его горячность обходилась ему боком. Главный не то что его не жаловал, он не любил его. Иногда Проектанта отстраняли от дел и опала тянулась месяцами, но только кончалось лихое время, он начинал считать, согласовывать, удивлять новыми предложениями, от которых сначала бросало в дрожь, а которые были так тщательно подготовлены, что с ними соглашались в конце концов. Работать с ним было трудно, но постепенно вокруг него выкристаллизовывалась группа энтузиастов, таких же преданных и неуёмных как он. Другие, отличные специалисты не могли с ним сработаться, ругались доходя чуть ли не

до увольнения, скрежеща зубами и проклиная Проектанта в душе, но он оставался долго ещё главным проектантом, пока не выросли другие, Проектантом с большой буквы, право на которую он несомненно заслужил. И сегодня у него было намечено необычное randevu с Главным.

Перед этим Главный выступил на собрании в проектном третьем отделе, к которому был прикреплен по партийной линии. Он дисциплины не нарушал, но не смог высидеть до конца собрания. Высказал, что волновало его в данную минуту. Но сегодня для него особенный день. Он спешил к конструкторам, попросив разрешения у собрания.

– Если меня собрание отпустит.

Собрание понимало его.

Конструктора сидели в длинном зале, уставленном кульманами и двумя рядами столов. Главного ждали. Проектанты во главе с Максимовым и конструктора, вычертившие схему. Не на кульмане, а на столах был разостлан общий чертёж Тяжелого Марсианского Корабля, ТМК в обозначении полётной документации. С лопухами- концентраторами солнечной энергии, с оранжереями, вращающийся весь полёт вокруг главной центральной оси. Корабль, о котором он мечтал всю жизнь. Корабль к красной планете.

Луна что? Луна рядом. Она непременно, конечно, будет освоена. Вечный спутник, источник энергии, место туристических вояжей. А Марс станет планетой запасной. На нём будет возрождена жизнь.

Королёва боялись. Он мог вести себя некорректно. На космодроме не раз грозился отправить провинившихся «домой по шпалам». Но все ему прощали. Проезжая в этот раз по второй территории, он увидел курящих в окне четвертого этажа. Не поленился, поднялся к ним и отобрал пропуски. Провинившиеся явились к нему в приёмную с повинной, но он никого в этот день не наказал. В этот особенный для него день общего компоновочного чертежа Межпланетного тяжёлого корабля к Марсу.

Не успел.

С. П. Королёв ни разу не был в одном из ведущих отделов своего КБ, 27-ом отделе Б. В. Раушенбаха.

В комнате одинаковые однотумбовые столы. Обстановка обыденная, а люди – диковинные. Теоретики – черти проклятые, не люди – лошади, вундеркинды, недочеловеки, упыри. Она работает с ними второй год и всё никак не может привыкнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.